

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.11862

EDN: CVNSMW

Концепт «Яблочного Спаса» в романе И. С. Шмелева «Лето Господне»

Е. Ю. Шестакова

*Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического)
Федерального университета в г. Северодвинске
(г. Северодвинск, Российская Федерация)*

e-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено раскрытию особенностей художественного воплощения концепта «Яблочный Спас» в романе И. С. Шмелева «Лето Господне». Концепт «Яблочный Спас» рассмотрен в контексте ценностно-смысловых установок писателя, претерпевших значительные изменения по сравнению с дооктябрьским периодом творчества. В художественном сознании автора образ сада предстает в метафорическом ключе как источник и начало жизни человека. Повествовательная структура главы двупланова, содержит дискурс героя-ребенка и зрелого повествователя. В рамках детского мировосприятия образ сада неотделим от образа отчего дома, категорий любви, красоты и Божией благодати. Образ сада соединен с представлением о саде-Москве и саде-Святой Руси. В романе «Лето Господне» возникает обобщенный образ-символ мира, преображенного Божьим присутствием и силой благодарной любви автора. Тема преображения тесно сближается с мотивами возвращения и воспоминаний, обретающих ярко выраженную ностальгическую окрашенность и лирическую тональность. Образы храмов, города Москвы и России сопряжены с мотивами преображения, сакрализации, одухотворенности, обожевленности и вечности. В воссоздании концепта «Яблочный Спас» И. С. Шмелевым в полной мере проявил себя художественный метод «духовного реализма». Хронотоп реального мира в романе «Лето Господне» предстает в тесной связи с бытийной сферой, осмысливается Божиим миром. Тема памяти и благодарной любви организует дискурс зрелого повествователя. Мир детства и Родины осознается утраченным библейским раем, становится предметом неустанных раздумий и размышлений автора.

Ключевые слова: концепт, Яблочный Спас, Лето Господне, тема детства, Иван Сергеевич Шмелев, тема родины, образ Москвы, мотив воспоминаний, дискурс, символ, литература русского зарубежья

Для цитирования: Шестакова Е. Ю. Концепт «Яблочного Спаса» в романе И. С. Шмелева «Лето Господне» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 1. С. 184–201. DOI: 10.15393/j9.art.2023.11862. EDN: CVNSMW

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.11862

EDN: CVNSMW

The Concept of the “Apple Savior” in the Novel by I. S. Shmelev “The Summer of the Lord”

Elena Yu. Shestakova

*Humanitarian Institute of the Branch
of the Northern (Arctic) Federal University in Severodvinsk
(Severodvinsk, Russian Federation)*

e-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Abstract. The research study aims to reveal the ways in which the concept of “Apple Savior” is artistic embodiment in the novel by I. S. Shmelev “The Summer of the Lord.” The concept of “Apple Savior” is considered in the context of the writer’s value and semantic attitudes, which have undergone significant changes compared to his pre-Revolution creative period. In the author’s artistic consciousness, the image of the garden appears as the metaphorical source and beginning of human life. The narrative structure of the chapter is two-dimensional: it contains the discourse of the child hero and the mature narrator. Within the framework of children’s worldview, the image of the garden is inseparable from the image of the family house, the categories of love, beauty and God’s grace. The image of the garden is connected with the idea of Moscow as a garden and Holy Russia as a garden. In the novel “The Summer of the Lord” there is a generalized image — a symbol of the world transformed by God’s presence and the power of the author’s grateful love. The theme of transfiguration closely approaches the motifs of return and memories, which acquire a pronounced nostalgic tinge and lyrical tonality. The images of temples, the city of Moscow and Russia are associated with the motifs of transfiguration, sacralisation, spirituality, deification and eternity. In recreating the concept of the “Apple Savior” by I. S. Shmelev, the artistic method of “spiritual realism” fully manifested itself. The chronotope of the real world in the novel “The Summer of the Lord” appears in close connection with the existential sphere, is comprehended by God’s world. The theme of memory and grateful love establishes the discourse of a mature narrator. The world of childhood and Homeland is recognized as a lost biblical paradise, and becomes the subject of persistent thoughts and reflections of the author.

Keywords: concept, the Apple Savior, Summer of the Lord, the childhood theme, Ivan Sergeevich Shmelev, the motherland theme, the image of Moscow, the motif of memories, discourse, symbol, literature of the Russian abroad

For citation: Shestakova E. Yu. The Concept of the “Apple Savior” in the Novel by I. S. Shmelev “The Summer of the Lord”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2023, vol. 21, no. 1, pp. 184–201. DOI: 10.15393/j9.art.2023.11862. EDN: CVNSMW (In Russ.)

Ценностные установки автора, отраженные в художественном тексте, определяют своеобразие тематики и проблематики произведения, его образной структуры, языковой специфики. Осмысление мировоззренческой концепции писателя позволяет раскрыть литературное произведение во всей его полноте и сложности. Выявление ценностно-содержательного наполнения художественного текста открывает широкие возможности для определения онтологической глубины и значимости произведения.

Ценностные установки автора всегда находятся в тесной взаимосвязи с историческими событиями, эпохой, обществом, «особенно в переломные моменты его развития» [Федосова: 75]. В жизни и творчестве писателя русского зарубежья Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) революционные потрясения 1917 г. стали событием, выходящим за рамки ординарности, обретающим знаковый характер. Дооктябрьские произведения автора создаются в контексте реалистической эстетики. И. С. Шмелев выступает «писателем-реалистом» [Сорокина: 60], «бытовиком» [Федоров: 109], «писателем-демократом» [Смирнова: 169]. Большое влияние на мировоззрение, творческие ценностно-смысловые установки писателя оказал А. М. Горький. И. С. Шмелева интересуют образы «социально активной личности» [Дунаев, 2009: 183], воссозданные в повестях «Распад» (1906) и «Гражданин Уклеикин» (1908), тема «маленького человека», отраженная в широко известном произведении «Человек из ресторана» (1911).

Пережитый в Крыму террор и голод, потеря сына и Родины становятся событиями, изменяющими мировоззрение И. С. Шмелева. Вера в Бога спасает его от тоски, упадка жизненных и духовных сил, состояния сильнейшего горя и отчаяния. С 1920-х гг. в творчестве писателя появляется «тема Православия, всерьез осмысленного религиозного сознания», понимание веры как духовной «опоры и сокровенной души России» [Любомудров, 2003: 239]. Эти настроения мотивируют художественную форму, символично-христианскую наполненность, идейно-содержательную специфику романа «Лето Господне» (1927–1944) — книги, в которой «впервые в русской литературе широко запечатлено воцерковленное бытие» [Дунаев, 2009: 176]. Художественный метод пореволюционных

текстов писателя в исследовательской литературе получил название «метод духовного реализма» (подробнее см.: [Черников], [Дунаев, 2003, 2009], [Любомудров, 2003, 2009]). Ведущей особенностью этого метода «становится духовное осмысление жизни в рамках секулярной культуры, и затем выход за эти рамки, освоение пространств вне душевной сферы бытия, *над* нею» [Дунаев, 2009: 189]. Духовное бытие человека и мира становится главным предметом художественного изображения в эмигрантский период творчества писателя. Отметим, что И. А. Есаулов считал термин «духовный реализм» не совсем точным для обозначения особенностей авторского метода И. С. Шмелева. Он предлагал говорить о «трансгисторическом характере художественного творчества», который подразумевает осмысление «христианской сущности человека и христианской картины мира» [Есаулов, 2005: 17].

Эмиграция, в которой вынужденно оказался И. С. Шмелев, повлияла на процесс публикации его произведений в России, доступность книг для русского читателя, возможность их изучения отечественными учеными. Произведения писателя-эмигранта не печатались в советской России, и, соответственно, его творчество долгое время оставалось вне литературоведческого осмысления на родине. Применительно к 1930-м гг. можно говорить об исследованиях, которые включают преимущественно труды критиков эмиграции. Г. В. Адамович в книге «Одиночество и свобода» (1937) убежденно отмечал несомненность дара художника, присущего И. С. Шмелеву, близость его произведений стилю Ф. М. Достоевского [Адамович: 68]. М. В. Вишняк в «Современных записках» (подзаголовок «Воспоминания редактора») оставил собственные впечатления о личности писателя, его чувствительности к критическим оценкам произведений [Вишняк: 130]. Тонкое и глубокое понимание творчества И. С. Шмелева дано в трудах выдающегося русского философа, публициста, близкого друга писателя И. А. Ильина: «Творчество Шмелева» [Ильин, 1933], «Православная Русь. "Лето Господне. Праздники" И. С. Шмелева» [Ильин, 1935a], «Святая Русь. "Богомолье" Шмелева» [Ильин, 1935b], «О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев» (1939) (см.: [Ильин, 1991]). Мыслитель определил круг

проблем, поднимаемых писателем в своем творчестве, раскрыл стилевые и языковые особенности художественных текстов И. С. Шмелева, определил специфику системы образов.

Первой докторской диссертацией о творчестве И. С. Шмелева стало исследование М. Ашенбрэннера «Иван Шмелев. Жизнь и творчество большого русского писателя» (Кенигсберг — Берлин, 1937) [Aschenbrenner]. В фундаментальном труде немецкого автора утверждается, что И. С. Шмелев является выдающимся русским писателем. Крупная научная работа отечественного исследователя об И. С. Шмелеве появляется в 1980-х гг. — монография О. Н. Сорокиной «Московиана: жизнь и творчество Ивана Шмелева» (Калифорния, Окленд, 1987) [Сорокина]. Автор воссоздает обобщенную картину творческого пути писателя, анализирует его произведения, созданные в России и в период эмиграции. В 1980-е гг. к изучению творчества И. С. Шмелева вновь обращаются зарубежные исследователи. Так, появляется работа немецкого ученого В. Шрика «Иван Шмелев. Религиозное мирозерцание и его художественное воплощение» (Мюнхен, 1987) [Schriek].

Значительные изменения в изучении творчества И. С. Шмелева на родине относятся к 1990-м гг. С этого времени в городе Алушта начинают организовывать и проводить Крымские Международные Шмелевские чтения. В 1990-е гг. выходит фундаментальный труд М. М. Дунаева в пяти частях «Православие и русская литература» (М., 1996–1999), одна из глав которого отведена размышлению о прозе И. С. Шмелева [Дунаев, 2003]. Исследователь дает оценку раннему творчеству писателя, отмечая постепенное усиление в дореволюционных текстах религиозно-христианских мотивов, преобладающих в эмигрантский период. 1995 г. отмечен появлением монографии И. А. Есаулова «Категория соборности в русской литературе» [Есаулов, 1995], в которой автор ставит имя И. С. Шмелева в один ряд с именами А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского. В середине 1990-х гг. публикуется книга А. П. Черникова «Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека» [Черников], имеющая обобщающий характер и раскрывающая своеобразие метода «духовного реализма» в творчестве писателя.

Первая четверть XXI в. отмечена заметно возросшим интересом к исследованию произведений И. С. Шмелева. Регулярно проводятся научные конференции, посвященные изучению разных аспектов творческого наследия писателя. 2000-е гг. стали временем создания значительного числа монографий. Я. О. Дзыга рассматривает творчество И. С. Шмелева в контексте продолжения традиций русской литературы [Дзыга]. Обобщающий, целостный характер носят монографические труды Н. М. Солнцевой [Солнцева], Л. А. Спиридоновой [Спиридонова]. Специфика воссоздания образа мира в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы» раскрывается в работе С. В. Шешуновой [Шешунова]. Иными словами, обращение к вопросу изучения художественного наследия И. С. Шмелева, несомненно, составляет актуальность предпринятого нами исследования. Вместе с тем в современном литературоведении отсутствуют работы, обращенные к подробному, детальному анализу отдельных глав романа «Лето Господне».

Роман «Лето Господне» — «вершинное произведение» [Крупин: 311] И. С. Шмелева — в полной мере отражает специфику ценностно-смысловых установок автора, характерных для эмигрантского творчества. Комплекс мировоззренческих идей, выраженный через особую повествовательную структуру, позволяет выявить своеобразие художественной модели мира, воссозданной в главе «Яблочный Спас». Способ повествования становится действенным средством достижения цели, которую перед собой поставил автор: показать процесс преобразования мира (внутреннего и внешнего).

Значение праздника Преображения Господня получает подробное освещение в речи Михаила Панкратовича Горкина — наставника главного героя романа, семилетнего Вани. Он сообщает мальчику о «трех Спасах»:

«Первый Спас <...> медовый Спас, Крест выносят. Значит, лету конец, мед можно выламывать, пчела не обижается... <...> Второй Спас <...> яблочный, Спас-Преображение, яблоки кропят. А почему? А вот. Адам-Ева согрешили, змей их яблоком обманул, а не велено было, от греха! А Христос восшел на гору и освятил.

С того и стали остерегаться. <...> А как окроплено, то безо вреда. <...> А третий Спас называется орешный, орехи поспели...»¹.

Раскрытие народного понимания христианского праздника является принципиальной художественной установкой автора. Ваня учится видеть духовное событие не с официальной, догматической точки зрения, а с позиции непосредственного, живого восприятия простого человека из народа. Проза И. С. Шмелева характеризуется связью с миром «начал» — народа и отдельного человека в его устремленности к миру детства, родной земли. Горкин — глубоко верующий христианин. Праздник Преображения Господня в его понимании соотнесен с созреванием плодов земных, возвращенных человеческим трудом. В результате духовное событие наполняется живительной силой, воспринимается неотъемлемой частью обычного, повседневного существования.

Не случайно в тексте главы упоминается о том, что именно Горкину поручено отряхивать яблони для сбора созревших плодов. Всеми это признается почетной обязанностью и поручается самому уважаемому человеку. Яблоки одухотворяются, освящаются, осмысляются дарами Божиими, поэтому человек, прикасающийся к ним в день святого праздника, должен быть внутренне чист, безгрешен, добропорядочен. Горкин, по общему признанию и личному мнению маленького Вани, благодаря своему высокому внутреннему устройению родственен, близок святому преподобному Сергию Радонежскому. Это образ человека, который «глубоко воцерковлен, отчетливо ощущает себя членом единого церковного богочеловеческого Тела, через него приобщается к Источнику Жизни» [Любомудров, 2009: 279].

Авторский дискурс, появляющийся в главе «Яблочный Спас», вносит в текст экспрессивную окрашенность, придает ему ярко выраженный оценочный характер. Авторское повествование насыщает произведение лейтмотивными образами, среди которых доминирующее значение обретает образ света. Он органически включается в особую хроно-топическую структуру главы «Яблочный Спас». Авторское

¹ Шмелев И. С. Собрание сочинений в одной книге. М.: Бертельсманн Медиа Москау АО, 2013. С. 564. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

повествование строится как ретроспекция, обращенная из настоящего к прошлому — детству, ушедшей России. Мотив преображения здесь связывается с дискурсом зрелого повествователя. Автор глядит из настоящего, полного горестей и утрат, в прошлое, и оно кажется ему совершенным, прекрасным, счастливым, безмятежным. Свет преображающей любви пронизывает картины-воспоминания, возникающие в памяти зрелого повествователя. Случайно увиденное яблоко рождает особую ценностно-смысловую оппозицию: «душистая сладость-крепость» / «невидное яблочко», «похожее на грушовку запахом» (565). Речь идет о противопоставлении России детства и «неродной страны» (565). Образная яркость является отличительной особенностью авторского повествования. Все, что дано из ретроспективной позиции автора: «маленький сад» «с березками и рябиной, с яблоньками, с кустиками малины, крапивой», «погнутые гвозди забора», «трещинки на вишне», «двор с великой лужей», «серые сараи», «гора кулей», «штабели досок», «трескучие пачки драни, и чурбачки, и стружки» (565–569) — обретает ностальгическую окрашенность. Роман «Лето Господне» исследователями относится к так называемому «но-стальгическому» периоду творчества [Смирнова: 162].

Примечательно, что «автор помнит вещи, события и лица <...> во всей их живой реальности», он переживает все «вторично» «в полноте и цельности» [Мочульский: 323]. Мотив преображения здесь сближается с семантикой золотого цвета: «золотые листочки», «горящие, как золотое стеклышко», «струйки золотого овсеца» (565). Золотой цвет, сопряженный с образом света, включает в авторские воспоминания мотивы одухотворенности и эстетизации. Эпитеты «далекий» (сад), уточнение «теперь без следа пропавший» (565) подчеркивают субъективную, «лирическую» форму авторского повествования, вводят в текст тему утрат и разлук. Воспоминания о детстве и утраченной Родине получают оттенок высокого трагизма.

Основным, ведущим в главе «Яблочный спас», как и во всем тексте романа, является дискурс героя-ребенка. Автор не просто отходит на задний план, стремясь представить изображаемое с точки зрения мальчика. Он «перевоплощается» в героя-ребенка, «становится» маленьким семилетним Ваней. В итоге события

праздника Преображения Господня даются преимущественно сквозь призму детского восприятия. Герою-ребенку в тексте отдается роль преобладающего художественного «фокуса».

Образ сада, представленный из перспективы героя-ребенка, соотносится с утром, осмысленным в метафорическом контексте как начало жизни человека. Мотив света и блеска наиболее ярко проявлен при воссоздании образа сада, окружающего дом Вани:

«В саду необыкновенно светло, золотисто: лето сухое, деревья поредели и подсохли, много подсолнухов по забору, кисло трещат кузнечики, и кажется, что и от этого треска исходит свет — золотистый, жаркий. Разросшаяся крапива и лопухи еще густеют сочно, и только под ними хмуро; а обдерганные кусты смородины так и блестят от света. Блестят и яблони — глянец ветвей и листьев, матовым лоском яблочек, и вишни, совсем сквозные, залитые янтарным клеем» (565).

Герой-ребенок воспринимает окружающий мир природы объемным, вбирающим в себя визуальные, акустические, осязательные, синэстетические ощущения («кисло трещат кузнечики») (565). Мотивы красоты и духовного преображения руководят автором при передаче цветовых оттенков пейзажных образов: «зелень», «желтеют листочки», «закраснелась грушовка» (565–569). Божья благодать, особенно щедро разлитая во время святого праздника, преображает все вокруг. Природа радуется приходу Господа. Ее звуки, красота, сочность, насыщенность, разнообразие, густота красок и запахов — все это даровано Богом и обращено к Богу: подсолнухи «ждут крестного хода», «лопухи густеют сочно» (565–569).

Модель двоимирия, реализованная через смысловую оппозицию *сакральное / профанное*, организует текстовое пространство главы «Яблочный Спас». В основе концептуальной и содержательной структуры текста лежит представление о невозможности пребывания человека и мира в ограниченных пределах земного, обыденного существования. Одухотворенность, преображенность профанной реальности в день праздника придает высокий смысл всей человеческой жизни.

Образ золотого цвета доминирует в цветовой палитре художественного мира, возникающего в рамках дискурса героя-ребенка:

«В саду необыкновенно светло, золотисто»; «и от этого треска исходит свет — золотистый, жаркий», «золотое и голубое утро»; «Вдали золотеет <...> купол Ивана-Великого», «золотятся в листьях крупные яблоки, и груши, и виноград, — зеленое, золотое, голубое отливает»; «золотой-голубой дьячок» (565–569).

Это связано с особым ощущением, характерным для детского мировосприятия, — верой в непреложность Божьего присутствия в земном пространстве в день святого праздника. Золотой цвет приобретает очевидный знаковый характер, определяемый отчетливо звучащими здесь мотивами одухотворения, обожествления, сакрализации.

Образ природы предстает наполненным разнообразными запахами, среди которых особенно выделяется аромат, исходящий от яблок. От них повсюду «разлита душистая сладость-крепость» — «со всеми запахами согревшегося сада, замятой травы, растревоженных теплых кустов черной смородины» (565). Яркие запахи, ароматы актуализируют связь образа-сада с библейским райским Эдемом, неотделимым от темы детства и образа России.

Сад детства осмысливается обителью вечных радостей и наслаждений. И в этом смысле он противопоставлен земной юдоли, выпадающей взрослому повествователю. Авторский дискурс вводит в текст главы антиномию *детства-рая / взрослой жизни-ада*. Зрелый повествователь испытал множество страданий, мук, потерь, вследствие чего остро ощущает бренность существования всего, что дорого и драгоценно, неизбежное приближение смерти.

Сад детства сопряжен с мотивом вечности и темой памяти. Память, сохраняя счастливые воспоминания о прекрасном, одухотворенном саде-детстве, встраивает его в круг категорий непреходящести и константности. Сад детства можно утратить в реальности, но не в благодарной памяти взрослого автора. Иными словами, тема художественного бессмертия в главе «Яблочный Спас» встроена в контекст образа сада. Метафорический образ сада входит в ареал творческой памяти.

Сохраненный в художественном тексте, сад детства становится его неотъемлемой частью, состоянием души автора, синонимом красоты, любви и безмятежного счастья. Архетипическое пространство образа сада «уходит в своем метафорическом контексте к библейским истокам, к символическим смыслам истоков жизни и бытия человека» [Филипповский: 238].

С библейским контекстом образа сада связан отчетливо проявленный мотив изобилия, соотнесенный с образом преобразенного мира. В святой праздник плоды рук человеческих, представленных на широком народном торге, освящены Божией благодатью, — многочисленные «сливы», «рядки арбузов», «ящички с персиками», «дыньки» (567–568). В данном случае складывается ситуация, когда «быт насыщается бытием» [Ильин, 2013: 12]. Оппозиция *грешные плоды / освященные плоды* определяет ценностно-смысловое содержание главы «Яблочный Спас». Бог благословляет то, что выращено человеком:

«И Господь здесь со всеми, и Он тоже думает об яблоках. Ему то и принесли их — посмотри, Господи, какие! А Он посмотрит и скажет всем: "Ну и хорошо, и ешьте на здоровье, детки!"» (569).

Господь преображает плоды рук человеческих, одухотворяет, освящает их.

Мотив сакрализации земных плодов распространяется и на образ всего мира. Колористическая палитра (голубой, зеленый) в этом контексте обретает особое значение. Зеленый актуализирует семантику «плодородия», «порядка», «равновесия», «природы», «жизни и смерти» [Кирло: 463–466]. Голубой соотносится с образом неба (Бога), «чистоты», «правды», включает в текст «пространственный символизм», означающий «высоту» [Кирло: 464]. Соединенность зеленого с голубым означает «путь духовного восхождения» [Кирло: 466], движения от смерти, забвения, тления, ложного существования к вечной жизни, настоящему, истинному бытию. Этот путь является выражением внутреннего состояния героя-ребенка, зрелого повествователя и окружающего мира.

Герой-ребенок приобщается к христианским ценностям, осмысляет окружающий земной мир как место Божьего

присутствия. В этом проявляется реализация метода «духовного реализма». Важной особенностью детского мировосприятия, реализованного в романе, является представление о присутствии Бога в земном мире «не как символическое», но «живое» [Есаулов, 1992: 236].

Мотив духовного очищения и возрастания через исповедь, покаяние и причастие оказывается неотделим от образа храма. Образы московских церквей и соборов близко соединены с темой преобразования мира. Мотив одухотворения, сакрализации хронотопа храма вновь реализуется через образ золотого цвета («золотеет купол Ивана Великого»), мотивы света и блеска («Окна домов блистают нестерпимо, и от этого блеска, кажется, текут золотые речки. <...> Все нестерпимо блещет, и в блеске играют яблочки») (568).

Пространство храма в день Преображения Господня является продолжением природного мира, освященного, одухотворенного сада. Возникает метафора церкви — эдемского сада, где звучат мотивы света и блеска, а также проявлен образ золотого цвета. Образ сада-храма в основе своей внутренней структуры содержит два плана. Речь идет о погружении героя-ребенка одновременно в природное и сакральное пространство сада. И тот, и другой хронотоп, сливаясь в сознании мальчика, предстают неотделимыми от духовного контекста и от духовного пространства, в котором пребывает герой-ребенок. Образ сада — России сопрягается с мыслью об истоках, отчизне, Родине.

Зрелый повествователь проходит путь «личного восхождения», тесно соотнесенного с мотивом возвращения к национальным, личным, семейным истокам, мотивом начал. Он предстает исполненным лирического настроения. Отсюда в авторском повествовании появляется так отчетливо звучащий мотив света, соединенный с эпитетами «ласковый», «тихий». Хронотопическая оппозиция «не в родной стране» / *Россия детства* вносит в авторский дискурс драматически-напряженную интонацию. Преимущественно эмоции страдания, грусти определяют специфику воспоминаний зрелого повествователя. Настоящее воспринимается ложным, искусственным, сомнительным. Прошлое (детство, Россия) осмысливается истинным,

подлинным, явным. Настоящее сопрягается с категориями Зла, лжи, горя, отчаяния, хаоса, пустоты, прошлое — с Добром, счастьем, безмятежностью, душевным миром, гармонией. Индивидуальная судьба зрелого повествователя обретает обобщающий характер, переносится и объединяется с судьбой поколения, народа и, шире, России. Тема преобразования здесь получает еще одно смысловое наполнение: с потерей Родины особенное значение приобретает тема начал жизни, любовь к русской природе, отчужденности от дома, родной земле. Жажда возвращения к отчужденности оказывается настолько сильной, что по сравнению с ней меркнут все остальные желания. Это открытие становится главным для поколения первой волны русской эмиграции, и оно свидетельствует об их глубоком внутреннем преобразении. Одухотворение страданием, поиск настоящего, истинных основ человеческого существования, обретение веры в Бога, обращение к христианству как единственной духовной опоре — все это определяет вектор духовного развития зрелого повествователя.

Образ окружающего мира, стремящегося к духовной высоте, выстраивается как мифологема города-сада. Образ Москвы в праздник Преображения Господня воссоздается через образный ряд храмов: «розовая церковь Ивана Воина», «белая — Спас в Наливках», «желтеющий в низочке Марон», «краснеющий далеко, за Полянским Рынком, Григория Неокессарийского», «едем мимо Казанской» (566). И. С. Шмелев изображает «благолепную Москву» [Мочульский: 323]. Маленький Ваня и его наставник Горкин проезжают мимо московских храмов и около каждого крестятся. Духовная роль образа креста здесь весьма велика, он «связывает противоположности в нерасторжимое единство», «с его помощью душа может достичь высшего мира» [Кирло: 228]. Крест сопрягает земное с небесным, приобщает земное сознание духовному бытию. Москва преобразуется в день святого праздника, ее жители оставляют суетное существование и ориентируются на высшие духовные ценности. Образ города становится метафорой духовной красоты и чистоты. Одухотворенная и преобразенная, Москва осмысливается символом утраченной Святой Руси.

Итак, образ преображенного мира в главе «Яблочный Спас» романа И. С. Шмелева «Лето Господне» предстает в тесной связи с образом сада. Естественный акцент при описании образа сада делается на обращении к образу райского Эдема. Видя в саде, окружающем дом героя-ребенка, не просто средо обитания, но подлинный источник начала жизни, духовного вдохновения, писатель преобразует его в образ-символ, образ-метафору. В масштабе художественного сознания Вани сад тесно соприкасается с образом дома, категориями любви, красоты, Божией благодати. Интеграция образа сада в рамках дискурса героя-ребенка включает представление о саде-Москве, саде-Святой Руси. Природное и городское пространство сливаются воедино, образуя обобщенный образ-символ мира, преображенного Божьим присутствием и силой благодарной любви автора. Тема преображения сближается с мотивом возвращения, осложненного ностальгической интонацией, связанной с идеей возвращения в детство как в мир истоков, начал. Образы храмов и города (Москвы) предстают неотделимыми от мира детства и Бога. Мотив преображения обращен к оппозиции *сакральное / профанное*, где мир детства, образ ушедшей Москвы и России художественно концептуальны, проявлены в категориях одухотворенности, обожествленности, вечности и непреходящести. Тема памяти и мотив воспоминаний придают цельность содержанию, смысловому наполнению главы «Яблочный Спас». Сакральный мир детства и Родины обретает возможность вечного существования, подобно библейскому раю, и, как библейский рай, является объектом непрестанных внутренних устремлений автора.

Список литературы

1. Адамович Г. В. Одиночество и свобода. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. 316 с.
2. Вишняк М. В. Современные записки. Воспоминания редактора. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 234 с.
3. Дзыга Я. О. Творчество И. С. Шмелева в контексте традиций русской литературы. М.: Буки Веди, 2013. 346 с.
4. Дунаев М. М. Православие и русская литература: в 6 ч. М.: Христианская литература, 2003. Ч. 5. 780 с.

5. Дунаев М. М. Духовный путь И. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 171–197.
6. Есаулов И. А. Праздники. Радости. Скорби. Литература русского зарубежья как завершение традиции // Новый мир. 1992. № 10. С. 232–242.
7. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 287 с.
8. Есаулов И. А. Христианская традиция и художественное творчество // Проблемы исторической поэтики. 2005. Вып. 7. С. 17–28 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2565> (01.11.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2565
9. Ильин И. А. Творчество Шмелева // Возрождение. 1933. 4 августа. С. 11–12.
10. Ильин И. А. Православная Русь. «Лето Господне. Праздники» И. С. Шмелева // Возрождение. 1935. 18 апреля. С. 5–6. (а)
11. Ильин И. А. Святая Русь. «Богомолье» Шмелева // Возрождение. 1935. 2 мая. С. 7–8. (б)
12. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. М.: Скифы, 1991. 209 с.
13. Ильин И. А. Творчество И. С. Шмелева // Шмелев И. С. Собрание сочинений в одной книге. М.: Бертельсманн Медиа Москау АО, 2013. С. 5–56.
14. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 525 с.
15. Крупин В. Н. Иван Шмелев как выразитель идеи Святой Руси // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 310–314.
16. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
17. Любомудров А. М. Богоищущая душа. Духовное и мирское в творческой судьбе И. С. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 227–282.
18. Мочульский К. В. <Рецензия> Ив. Шмелев. «Лето Господне. Праздники» // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 322–324.
19. Смирнова М. Г. Пути земные // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 134–170.
20. Солнцева Н. М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество: жизнеописание. М.: Эллис Лак, 2007. 510 с.
21. Сорокина О. Н. Московянина: жизнь и творчество Ивана Шмелева. М.: Московский рабочий, 2000. 404 с.
22. Спиридонова Л. А. Художественный мир И. С. Шмелева: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 240 с.

23. Федоров Н. И. Судьба Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 101–111.
24. Федосова И. В. Проблема ценностных ориентаций в научной литературе // Ценности и смыслы. 2009. № 2 (2). С. 75–92.
25. Филипповский Г. Ю. Динамическая поэтика русской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 420 с.
26. Черников А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека. Калуга: Калужский областной институт усовершенствования учителей, 1995. 341 с.
27. Шешунова С. В. Образ мира в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы». Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2002. 99 с.
28. Aschenbrenner M. Iwan Schmeljow. Leben und Schaffen des großen russischen Schriftstellers. Königsberg — Berlin, 1937. 197 s.
29. Schriek W. Ivan Shmelev. Die religiöse Weltansicht und dichterische Umsetzung. München, 1987. 205 s.

References

1. Adamovich G. V. *Odinochestvo i svoboda [Loneliness and Freedom]*. New York, Izdatel'stvo imeni Chehova Publ., 1955. 316 p. (In Russ.)
2. Vishnyak M. V. *Sovremennye zapiski. Vospominaniya redaktora [Modern Notes. Editor's Memoirs]*. St. Petersburg, Logos Publ., Düsseldorf, Golubov vsadnik Publ., 1993. 234 p. (In Russ.)
3. Dzyga Ya. O. *Tvorchestvo I. S. Shmeleva v kontekste traditsiy russkoy literatury [I. S. Shmelev's Works in the Context of the Traditions of Russian Literature]*. Moscow, Buki Vedi Publ., 2013. 346 p. (In Russ.)
4. Dunaev M. M. *Pravoslaviye i russkaya literatura: v 6 chastyakh [Orthodoxy and Russian Literature: in 6 Parts]*. Moscow, Khristianskaya literatura Publ., 2003, part 5. 780 p. (In Russ.)
5. Dunaev M. M. The Spiritual Path of I. Shmelev. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya [The Spiritual Path of Ivan Shmelev: Articles, Essays, Memoirs]*. Moscow, Sibirskaya Blagovonnitsa Publ., 2009, pp. 171–197. (In Russ.)
6. Esaulov I. A. Holidays. Joys. Sorrow. Literature of the Russian Diaspora Abroad as the Completion of Tradition. In: *Novyy mir*, 1992, no. 10, pp. 232–242. (In Russ.)
7. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literatury [The Category of Sobornost' in Russian Literature]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 287 p. (In Russ.)
8. Esaulov I. A. Christian Tradition and Artistic Creativity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2005, no. 7, pp. 17–28. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2565> (accessed on November 1, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2565 (In Russ.)

9. Il'in I. A. Works of Shmelev. In: *Vozrozhdenie*, 1933, 4 August, pp. 11–12. (In Russ.)
10. Il'in I. A. Orthodox Russia. “The Summer of the Lord. Holidays” by I. S. Shmelev. In: *Vozrozhdenie*, 1935, 18 April, pp. 5–6. (In Russ.) (a)
11. Il'in I. A. Holy Russia. Shmelev’s “The Pilgrimage”. In: *Vozrozhdenie*, 1935, 2 May, pp. 7–8. (In Russ.) (b)
12. Il'in I. A. *O t'me i prosvetlenii. Kniga khudozhestvennoy kritiki: Bunin, Remizov, Shmelev* [About Darkness and Enlightenment. The Book of Art Criticism: Bunin, Remizov, Shmelev]. Moscow, Skify Publ., 1991. 209 p. (In Russ.)
13. Il'in I. A. Works of I. S. Shmelev. In: *Shmelev I. S. Sobranie sochineniy v odnoy knige* [Shmelev I. S. Collected Works in One Book]. Moscow, Bertel'smann Media Moskau AO Publ., 2013, pp. 5–56. (In Russ.)
14. Kirlo Kh. *Slovar' simvolov. 1000 statey o vazhneyshikh ponyatiyakh religii, literatury, arkhitektury, istorii* [Dictionary of Symbols. 1000 Articles About the Most Important Concepts of Religion, Literature, Architecture, History]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2007. 525 p. (In Russ.)
15. Krupin V. N. Ivan Shmelev as an Exponent of the Idea of Holy Russia. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The Spiritual Path of Ivan Shmelev: Articles, Essays, Memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 310–314. (In Russ.)
16. Lyubomudrov A. M. *Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B. K. Zaytsev, I. S. Shmelev* [Spiritual Realism in the Literature of the Russian Abroad: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 272 p. (In Russ.)
17. Lyubomudrov A. M. The God-Seeking Soul. The Spiritual and Mundane in the Creative Destiny of I. S. Shmelev. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The Spiritual Path of Ivan Shmelev: Articles, Essays, Memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 227–282. (In Russ.)
18. Mochul'skiy K. V. <Review> Ivan Shmelev. “The Summer of the Lord. Holidays”. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The Spiritual Path of Ivan Shmelev: Articles, Essays, Memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 322–324. (In Russ.)
19. Smirnova M. G. The Ways of the Earth. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The Spiritual Path of Ivan Shmelev: Articles, Essays, Memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 134–170. (In Russ.)
20. Solntseva N. M. *Ivan Shmelev. Zhizn' i tvorchestvo: zhizneopisanie* [Ivan Shmelev. Life and Works: Biography]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2007. 510 p. (In Russ.)
21. Sorokina O. N. *Moskoviana: zhizn' i tvorchestvo Ivana Shmeleva* [Moskoviana: Life and Works of Ivan Shmelev]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 2000. 404 p. (In Russ.)

22. Spiridonova L. A. *Khudozhestvennyy mir I. S. Shmeleva* [The Artistic World of I. S. Shmelev]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014. 240 p. (In Russ.)
23. Fedorov N. I. The Destiny of Shmelev. In: *Dukhovnyy put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya* [The Spiritual Path of Ivan Shmelev: Articles, Essays, Memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 101–111. (In Russ.)
24. Fedosova I. V. The Problem of Axiological Orientations in Science Literature. In: *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings], 2009, no. 2 (2), pp. 75–92. (In Russ.)
25. Filippovskiy G. Yu. *Dinamicheskaya poetika russkoy literatury* [Dynamic Poetics of Russian Literature]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008. 420 p. (In Russ.)
26. Chernikov A. P. *Proza I. S. Shmeleva: kontseptsiya mira i cheloveka* [I. S. Shmelev's Prose: the Concept of the World and Man]. Kaluga, Kaluzhskiy oblastnoy institut usovershenstvovaniya uchiteley Publ., 1995. 341 p. (In Russ.)
27. Sheshunova S. V. *Obraz mira v romane I. S. Shmeleva “Nyanya iz Moskvy”* [The Image of the World in the Novel by I. S. Shmelev “The Nanny from Moscow”]. Dubna, Dubna State University Publ., 2002. 99 p. (In Russ.)
28. Aschenbrenner M. Iwan Schmeljow. Leben und Schaffen des großen russischen Schriftstellers [Ivan Shmelev. The Life and Work of the Great Russian Writer]. Königsberg — Berlin, 1937. 197 s. (In German)
29. Schriek W. Ivan Shmelev. Die religiöse Weltanschauung und dichterische Umsetzung [The Religious Worldview and Poetic Implementation]. München, 1987. 205 s. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шестакова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка, Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) Федерального университета в г. Северодвинске (ул. Торцева, д. 6, Архангельская область, г. Северодвинск, Российская Федерация, 164520); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>; e-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru.

Elena Yu. Shestakova, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Literature and Russian Language, Humanitarian Institute of the Branch of the Northern (Arctic) Federal University in Severodvinsk (ul. Tortseva, 6, Arkhangelsk Region, Severodvinsk, 164520, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>; e-mail: lena2013@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 26.11.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2023

Принята к публикации / Accepted 20.01.2023

Дата публикации / Date of publication 14.02.2023